

ВИКТОР БОЧКОВ

ОСТРОВСКИЙ В БЕРЕНДЖЕВКЕ

Виктор Бочков

Островский в Берендеевке

«Алисторус»

2013

УДК 82-94
ББК 83.3

Бочков В. Н.

Островский в Берендеевке / В. Н. Бочков — «Алисторус», 2013

ISBN 978-5-9905-2881-9

Костромское село Щелыково значит для отечественной драматургии не меньше, чем псковское Михайловское для русской поэзии. Здесь, в заповедной стороне, Александр Николаевич Островский работал над половиной из полусотни своих пьес, среди которых «Бесприданница», «Последняя жертва», «Воспитанница», «Дикарка», «Светит да не греет»... В сказочной тиши этих мест явилось и неожиданное чудо – «Снегурочка». В основу книги костромского историка, краеведа последней четверти XX века Виктора Бочкова, наделенного даром увлекательного рассказчика и глубокого исследователя, положены малоизвестные архивные источники, а также расспросы потомков великого драматурга.

УДК 82-94

ББК 83.3

ISBN 978-5-9905-2881-9

© Бочков В. Н., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Полна чудес Ярилины поляна	6
Снегуркина беседка	8
Флигель над обрывом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Бочков

Островский в Берендеевке

© Бочков В. Н., 2013

© ООО «ООО ТД Алгоритм», 2013

* * *

Полна чудес Ярилина поляна

Есть еще, уцелели у нас, в России, вопреки всем вихрям времени, и вправду сказочные места. И одно из самых загадочных – костромское Щельково за Волгой, в окружении темных, «сусанинских» лесов, прохладных вод петляющих речушек, крутых оврагов, косогоров, цветущих ковров разнотравья. А знаменито оно тем, что тут, в своей усадьбе, жил с семьей – женой Марьей Васильевной и четырьмя детьми – великий русский драматург Александр Николаевич Островский. Здесь написал он половину своих пьес, в том числе «Лес», «Волки и овцы», «Бесприданницу», «Дикарку», и чудо из чудес – «Снегурочку».

Однажды, в первый свой приезд, когда имение еще принадлежало отцу и мачехе А. Н. Островского, плененный дивной природой писатель услышал от местного мужика про лесную долину со Святым ключиком, о некогда явленной там иконе и старичке-монахе, срубившем на поляне часовенку-келью, в которой жил отшельником...

Тогда, в мае 1848 года, двадцатипятилетний Островский оставит взволнованную записку, еще не предполагая, во что потом выльется эта встреча с зачарованной стороной: «Первое и самое сильное чувство, которое производят на меня эти красоты природы, для меня болезненно, мне тяжело, мне надобно облегчить свою грудь, надобно поделиться с кем-нибудь этими неотступными впечатлениями, которые лезут в душу со всех сторон». Какое счастье – и творческое, и житейское – испытает он в Щелькове спустя годы, какую трепетную силу наберет вдруг проснувшийся в нем поэтический дар!

Смотри, дитя,
какое сочетанье
Цветов и трав,
какие переливы
Цветной игры
и запахов приятных!
Один цветок,
который ни возьми,
Души твоей
дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе
одно из новых чувств...—

так прощается в Ярилиной долине Весна-красна с дочерью Снегурочкой, стараясь зажечь в ней любовь, в весенней сказке Островского...

От речки Куекши – через мостик, а там по узкой тропинке сквозь малинник, переступая мозолистые корни старых сосен, – всего рукой подать. Но кажется, зашел ты далеко в глубь леса, охваченный вдруг настороженной тишиной поляны, замкнувшейся и затененной большими, крепкими ветвями елей. И сердце замерло от неясного ожидания – чего, кого?.. Но – чу! – журчит лесной ручей. Где, по преданию, растаяла Снегурочка, ее Ярило-солнце растопило, теперь бьет ключик, серебясь на солнце и играя песчаным дном. И будто, говорят, там бьется ее сердце... Цветы цветут, и бабочки порхают, и стрекозы. Не иначе забрел ты не в лесную глушь, а в рай земной. «Полна чудес могучая природа!»

Влечет, притягивает Щельково однажды сюда попавшего. Среди лесных зарослей из лета в лето тут можно было встретить любимца публики актера Юрия Яковлева в неизменном для своего отдыха простом тренировочном костюме или незабываемую балерину Екатерину Максимову с заполненной доверху корзиной белых грибов... Ну а уж актеры Малого театра облю-

бовали здешний край со времен Островского. На стенах его дома, давно музея, в резных деревянных рамках, сделанных руками самого драматурга и схожих с наличниками местных окон, – портреты его друзей-актеров: от Прова Садовского до обожаемого им провинциального артиста Загорского, ставшего прототипом Несчастливцева в «Лесе».

Очарованные красой заповедного уголка, мы стремимся сюда душой снова и снова. И потому на дне Голубого ключика Ярилиной поляны так много посверкивающих мелких монеток – примет неперенной будущей встречи с мечтой, сказкой, в которую так или иначе, а хочется верить всю жизнь.

Татьяна Маришкова

Снегуркина беседка

Костромское сельцо Щелыково – усадьба с богатой историей. И, как во всякой старинной усадьбе, бытует здесь множество преданий. А больше всего они связаны с местом, на котором стоит «Снегуркина беседка».

Если пройти от мемориального дома Александра Николаевича Островского по «горбтому» мостику, спуститься еловой аллеей в парк, свернуть по тропинке на запад, перейти еще один мостик, то справа между деревьями на высоком холме можно разглядеть силуэт легкого паркового сооружения. Это двухэтажная деревянная беседка, восьмигранная, с тесовой крышей в виде остроконечного гриба. Внизу стоит стол на одной ножке, у перил – скамейки. Наверх ведет крутая лестница, ни стола, ни скамеек там нет.

Беседка поставлена как бы на мысу, образованном двумя оврагами. Можно догадаться, что прежде из нее открывался красочный вид далеко окрест, теперь же обзор закрыт разросшимися внизу разлапистыми соснами. От беседки можно пройти по тропке через парк и к прогулочной аллее. Тогда на пути будут заметны справа большие ямы. Откуда они тут?

Внучка великого драматурга Мария Михайловна Шателен, родившаяся в 1895 году, в своих неизданных воспоминаниях пишет: «В верхней, северной части парка, среди деревьев между оврагами было много поросших малинником ям от когда-то стоявших там строений. У «Снегуркиной беседки», вокруг нее и по дороге к ней было много остатков старинного кирпича, следы кирпичной кладки оснований круглых больших колонн, слева под слоем земли и уже обросшие старыми толстыми соснами были остатки подвалов с бутовой кладкой. По устным преданиям, пока еще никакими архивными документами не подтвержденным, там во время оно стоял основной барский дом громадного кутузовского имения, поодаль, где остались ямы, – избы дворовых крестьян. Потом дом сгорел, овраги разрушили площадку...»

Щелыково, в XVIII веке принадлежавшее знатному роду Кутузовых, действительно, было одной из богатейших костромских усадеб. Большой каменный барский дом, огромные службы из красного кирпича, оранжереи с тропическими растениями, пруды с экзотическими рыбами... Отставной гвардейский генерал Федор Михайлович Кутузов, проживший долгие годы в столице, при пышном дворе Екатерины II, умел показать себя и в провинции. К нему, богачу, двенадцать лет кряду избиравшемуся костромским предводителем дворянства, съезжалась на празднества вся губернская знать.

Увы, не щадили Щелыкова и пожары. Самый первый и самый страшный – в 1770-е годы. После него господский дом на прежнем месте не восстанавливался.

Значит, предание, запомнившееся внучке драматурга, в основе своей достоверно. В таком случае возникает вопрос – что же увидел на месте сгоревшего кутузовского дома Александр Николаевич Островский, когда в мае 1848 года впервые приехал в Щелыково? Руины, сползающие в образовавшийся в конце XVIII века овраг? Или уже беседку?

Ответ на этот вопрос неожиданно дали сотрудники Всесоюзного объединения «Леспроект» в 1971–1972 годах. Чтобы разработать перспективный план лесопарковосстановительных работ в Щелыкове, им пришлось стать и археологами, а результаты своих изысканий они изложили в документе, написанном даже не слишком сухо. По их заключению, на перешейке между оврагами был «построен большой декоративный павильон. Произведенные обследования территории, анализ рельефа, обмеры сохранившихся ям от фундаментов и оснований круглых колонн позволяют сделать такое предположение. Характер кладки из большемерного кирпича на известковом растворе соответствует середине – концу XVIII века. Можно полагать, это были два квадратных в плане здания, соединенные галереей с двумя декоративными беседками в виде двух десятиколонных ротонд. Причем колонны ротонд, имеющие в основании 75 и 60 см, чередовались между собою».

В этом тоже нет ничего удивительного. После пожара рачительный Кутузов, не желая оставлять развалины и учитывая, что отсюда открывается красивый вид, возвел на месте сгоревшего дома внушительное парковое сооружение, использовав пригодный кирпич. Там хозяева и гости, гуляя по тогда же разбитому парку, отдыхали, укрывались от дождя. Павильон просуществовал где-то до 1820-х годов – во всяком случае, ко времени появления в усадьбе Островского его уже не было. Уцелели одни руины.

Но одно из строений на мысу между оврагами, стоящее там с кутузовских времен, Александр Николаевич все же застал. При разделе имения Кутузовых в 1813 году между наследниками, в описи построек значится каменная кладовая, доставшаяся младшей дочери генерала Прасковье. Но где находилась кладовая, когда была сломана – об этом в позднейших документах сведений нет.

У драматурга была сестра Надежда Николаевна, на 19 лет моложе, учительница и общественная деятельница. Совсем ребенком она жила с родителями в Щелькове, и детские впечатления глубоко врезались в ее память. Надежда Николаевна еще при жизни брата начала писать повести и рассказы для юношества, широко пользуясь воспоминаниями собственного щельковского детства. Так, в 1901 году она опубликовала повесть «Жизнь прожить – не поле перейти». Из нее мы узнаем об играх младших Островских «у каменной кладовой, стоящей неподалеку от оврага. Кладовая имела очень оригинальный вид – круглой формы, с крутой высокой крышей, с крепкой железной дверью, небольшие окна, пробитые в толстых стенах, защищались железными ставнями». Отмечается и то, что кладовую построили Кутузовы.

Как долго простояла кладовая, мы пока не знаем. Зато известно главное – драматург сам видел ее, мог заинтересоваться старинной постройкой.

А вообще, занимали ли его щельковские предания? Ведь мы знаем, что древнее прошлое окрестностей Щелькова его волновало, что он собирал сборники исторических актов, изучал и комментировал их, опрашивал знакомых краеведов. Неужели же столь богатая событиями история его собственного любимого Щелькова прошла мимо него?

Нет, не прошла. По рассказам потомков Островского складывается впечатление, что он хорошо знал прошлое Щелькова и планировку кутузовской усадьбы, любил об этом рассказывать своим детям и друзьям. Более того, «щельковская старина» отобразилась и в его творчестве. Вспомним хотя бы «Дикарку», которая писалась в 1879 году в Щелькове и о которой Александр Николаевич говорил: «Я над «Дикаркой» работал все лето, а думал два года». Добавим – думал, гуляя по щельковскому парку. Место первого действия комедии обозначено так: «Густой парк, в углу развалины каменной беседки, в глубине живописная местность за рекой». Здесь беседуют камердинер Таврило и старый слуга Сысой, сопровождающий гулявшую по парку барыню. Прислушаемся к их беседе:

Таврило (*осматривая местность*). Ну и местоположение... я вам скажу!..

Сысой. Как находите?

Таврило. Что уж!.. Чего еще превосходнее!

Сысой. На редкость, истинно на редкость... которые ежели понимающие... Конечно, простой человек... так ему все равно. Это место по древности, от старых людей – Кокуй называется. Когда покойный барин, царство небесное, эту рощу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось; а барыня, напротив того, желали, чтоб беспременно «Бельвю». Почитай что до ссоры у них доходило... Ну, а мужики, помилуйте! им не вобьешь в башку-то, разве с ними возможно! Они и теперь все Кокуй да Кокуй. Было времечко, да прошло: в те поры в этой беседке танцы были, ужины, без малого вся губерния съезжалась, по всем дорожкам цветные фонари горели; за рекой феверки пущали, а теперь заглохло все».

Тут даже трудно и усомниться, что речь идет о кутузовском сооружении. Нижний щельковский ландшафтный парк или, как его именовал Островский, «Овражки», появился в конце XVIII века именно на месте рощи. В павильоне, воздвигнутом в парке на месте сгоревшего усадебного дома, Кутузов, владевший крепостным оркестром, устраивал танцы и ужины, на которые действительно съезжалась «вся губерния». Тогда и за рекой Куекшей, протекавшей рядом, внизу, пускались модные в то время фейерверки. Правда, Щельково в старину называлось не «Кокуй», а «пустошь Шалыково» – Кокуй (Кокуйка) – селение невдали от него. Возникают сомнения и относительно «Миловиды» и «Белью», что, в сущности, одно и то же. Кутузов женился только в старости на своей крепостной Антонине Никитишне, и та даже в малом не осмеливалась противоречить ему да и по-французски едва ли говорила. Скорее, речь идет о следующем поколении владельцев Щелькова: дочери Кутузова Варваре Федоровне, умершей в 1815 году, и ее супруге Егоре Александровиче Сипягине, галичском предводителе дворянства, изрядных оригиналах. А обо всем этом молодому любознательному Островскому мог в конце 1840-х годов рассказать кто-нибудь из старых дворовых, служивших и Кутузовым, и Сипягиным и доживавших в усадьбе при новых владельцах. Развалины же павильона Александр Николаевич видел сам в первые посещения Щелькова.

Мостик в парке «Овражки»

Да, а когда впервые появилась нынешняя двухэтажная деревянная беседка? По-видимому, ее возникновением мы обязаны отцу драматурга Николаю Федоровичу, владевшему Щельковым до своей смерти в 1853 году. Он убрал остатки кирпича, а на очищенной площадке воздвиг беседку, которую почему-то очень любил. Кстати, воздвиг в традиционных кутузовских формах – круглую, с остроконечной крышей.

И Александру Николаевичу отцовская беседка тоже нравилась – близко от дома, а место тихое, уединенное, тенистое, и работать удобно. Местный житель Иван Иванович Соболев мальчиком бегал в усадьбу, часто наблюдал драматурга. Позднее он написал в бесхитростных воспоминаниях: «Усадьба была обнесена кругом палисадом, а также и парком сосновым. В нем была двухэтажная беседка, в которой нередко бывал Островский и писал свои произведения».

Местные устные предания и мемуары потомков драматурга связывают с беседкой чаще всего его работу над двумя произведениями: драмой «Гроза» и весенней сказкой «Снегурочка». Первую Островский писал летом 1859 года, находясь в Щелыкове. По рассказам, описывая свидание Катерины с Борисом, он изобразил как раз тот овраг, на краю которого стоит беседка. «Снегурочка» же написана зимой 1873 года в Москве, но обдумывать ее Александр Николаевич мог и летом, сидя в щелыковской беседке. Во всяком случае, Мария Михайловна Шателен определенно подтверждает: «В семье Островских эту беседку называли «Снегуркина беседка», так как, по словам матери, именно в ней Александр Николаевич обдумывал план своей весенней сказки...»

Флигель над обрывом

Есть в Щелькове на редкость поэтическое место, совсем рядом со «старым домом» – просто надо повернуть влево от «черного» крыльца и идти вдоль забора по березовой аллее, посаженной по гребню склона еще отцом драматурга. Тогда вскоре мы войдем на небольшую площадку, ограниченную с востока оврагом, а с юга крутым спуском к Куекше. Внизу расстилается великолепный пейзаж: в центре пруд с круглым островком-пуговкой, к которому перекинут стежка-мостик, второй маленький мостик выгнулся справа, из-под него выбивается ключик-ручеек, а слева до самой реки – просторный луг. На нем повсюду купы деревьев и кустов: ивняк, верба, ольха, черемуха, тонкие тополя, осанистые березы...

На краю склона вкопаны две низеньких скамейки-лавочки. Сюда приходят посидеть, подумать, полюбоваться природой отдыхающие в Щелькове артисты. На этом месте часто видели Александра Ивановича Сашина-Никольского с его неразлучной гитарой, здесь любили бывать Рыжова, Яблочкина, Пашенная, Блюменталь-Тамарина, Грибов, Бабочкин, Пров Садовский. Племянник последнего, Михаил Михайлович, тоже заслуженный актер и тоже «старожил» Щелькова, писал в книге воспоминаний «Записки актера»:

«С высокого, крутого, почти отвесного обрыва открывается изумительный вид. Под обрывом лежит широкий луг, полого спускающийся к пруду. Посреди пруда островок, дальше – молодой перелесок из берез и осин, еще дальше – река Куекша, за которой стеной стоит темно-зеленый еловый лес. Воздух чист и прозрачен. Далеко-далеко видно каждую веточку, каждый лист.

Эти дали, их торжественный покой могла бы, пожалуй, передать кисть Левитана или Нестерова да, может быть, еще перо Паустовского.

Можно было часами стоять на том месте, любоваться этой панорамой, смотреть, как постепенно менялось освещение, когда вечер переходил в лунную ночь, как вырастали тени и загорались такие чистые, большие и яркие звезды. Порой казалось, что перед тобой дивная сказочная декорация, рожденная чудесами театра. Не хватало только музыки, хотя у каждого по-своему она тихо звучала в душе».

Но повернемся в противоположную от обрыва сторону. Там четко обозначились остатки расчищенного фундамента небольшого, почти квадратного в плане строения. Строения, некогда возведенного самим Александром Николаевичем, именуемого в Щелькове при нем «гостевым домом», а позднее «флигелем Михаила Николаевича».

Был Островский радушным и гостеприимным человеком, чрезвычайно хлебосольным хозяином. «У нас в Щелькове чем больше гостей и чем дольше живут они, тем лучше», – не уставал повторять он в письмах. «Как ни хорошо в Щелькове, а все-таки без гостей скучно, – сетовал драматург. – Приезжайте, приезжайте, приезжайте», – постоянно зазывал Александр Николаевич в свою костромскую усадьбу столичных и провинциальных друзей и знакомых. Те, конечно, приезжали, иногда сразу помногу, семьями, жили подолгу, неделями.

Александр Николаевич Островский. Фотография 1850-х годов

А усадебный дом был невелик и невместителен, а собственная семья у хозяина огромная и все прирастала, а близких родственников много, а сам драматург стосковался по подходящему месту для неизбежной и летом работы.

И вскоре после 1867 года, когда Александр Николаевич окончательно упрочился в Щелкове на правах владельца, он решает – надо выстроить новый флигель. Специально для умножившихся гостей.

Место сам приглядел к востоку от «старого дома», уединенное, красивое. Площадка там достаточно просторная, а стояли там только детские качели. Подрядчика нашел в окольной

деревне, человека, по собранным отзывам, опытного, хотя и пьющего, Абрама Иванова. Тот побывал в Щелыкове, все обстоятельно осмотрел, условился о цене, взял задаток и объявил, что стройку начнет по весне. Оставалось составить план.

Был у Островского в Москве задушевный друг, Николай Александрович Дубровский, всего на три года постарше. Происходил он из обер-офицерских детей, потому обучался на казенный счет в Архитектурном училище ведомства Московской дворцовой конторы и пробыл потом шесть лет на частной службе, послужив и в Сенате, прибился вновь к конторе, став даже ее казначеем. А у дворцового ведомства, ведущего крупные строительные работы, имелись собственные архитекторы. И вот в начале октября 1870 года к Дубровскому полетело шутливо-отчаянное послание:

Друже!
Я за песню все ту же!
Мне час от часу хуже,
И дела идут ту же,
К довершению бед
Архитектора нет.
Планов тоже.
На что это похоже!
А подрядчик там ноет
И дома не строит.
Помоги, Дубровский!

А. Островский.

Дубровский откликнулся тотчас.

«Друже! – гласила его записка от 9 октября 1870 г. – Рекомендую тебе Сергея Аркадьевича Елагина, который с удовольствием принял мое предложение соорудить для тебя хату и украсить твой щелыковский сад разными беседками и павильонами.

Весь твой *Микола Дубровский*».

Архитектор Елагин справился с работой быстро, и драматург уже в ноябре выслал план дома в усадьбу для подрядчика, приступившего к заготовке материалов, а изображение фасада – брату Михаилу Николаевичу, тоже весьма заинтересованному в постройке в Щелыкове флигеля. «Фасад дома мне очень нравится, – отзывался тот в письме, – но желал бы иметь план, потому что забыл расположение комнат. Пришли, пожалуйста, хотя бы начертанный твоею рукой».

Столовая в доме-музее А. Н. Островского

Абрам Иванов полагал приступить к стройке на месте весной, и Островский собирался лично надзирать за ходом работ. В 1871 году в Щельково выехал он рано, 6 мая. Александр Николаевич торопился и потому, что в план, находившийся на руках у подрядчика, он задумал внести некоторые изменения. С архитектором он их обговорил. Сохранилась записка драматурга Дубровскому от 19 марта: «Сделай милость, заезжай за Елагиным и привези его ко мне, он мне нужен до крайности». В Щельково Островский привез большую работу – начатую пьесу «Не было ни гроша да вдруг алтын», которую по сложившимся обстоятельствам обязательно следовало закончить к осени, однако и стройка сильно занимала его. А подрядчик Абрам оказался очень колоритной фигурой. До недавнего времени крепостной, обретавшийся в некотором приближении у своих бар, он усвоил уморительные позы и обороты речи, которыми и пользовался в сношениях с «господами». Это смешило драматурга и приехавшего к нему погостить Дубровского. Николай Александрович тогда вел дневник и 15 июня записал в него: «Меня сегодня насмешил подрядчик, который строит у Островского новый дом, как своей фигурой, так и своими выражениями. Этому человеку лет за пятьдесят, среднего роста, черноволосый, с проседью, с окладистой бородой и с клюковым носом и щечками, доказывающими пристрастие его к горячительным напиткам. Подрядчик этот при начале разговора с Островским или женой его постоянно принимал одно и то же телоположение: выпрямлялся во весь рост, подбоченивался правой рукою и произносил очень хладнокровно следующее выражение: «Прибегаю к стопам вашим», – и затем уже объяснял причину своего прихода. Так, например, сегодня, когда Островский спросил его, что ему нужно, он ответил: «Прибегаю к стопам вашим с планом», – и вместе с сим, указывая на план дома, просил Островского разъяснить ему его недоумение».

Гость скоро уехал, хозяина одолевали всякие дела и заботы, так что Дубровскому он написал только 25 июля 1871 года – это было вообще его первое щельковское письмо того лета. И в нем сразу же повествуется о ходе постройки флигеля. Интересуясь, как живет приятель, Александр Николаевич шутливо спрашивается: «Может быть, с Вами случилось то же, что с

подрядчиком моим Абрамом Ивановичем? Они загуляли с Казанской и пили до Ильина дня (с 21 июля по 2 августа по новому стилю – В. Б.), Ильин день и два дня после, на третий день явились пьяные со смирением, с слезением и с новоизобретенной фразой: приползаю к стопам вашим».

«Рассказ твой об Абраме Ивановиче насмешил меня до слез, – отвечал из Москвы Дубровский, – бывало и с нами тоже, грешными, и мы, как Абрам Иванович, приползали в свою хату чуть не на четвереньках, но все это бывало да былшем поросло».

А через месяц Островский вновь информировал друга о своих злключениях с подрядчиком. «Абрам Иванов после того, как я писал к тебе, раза два приползал к стопам, а третьего дня выкинул новое колено: лишился молвы (как говорят здесь). Это удивительное происшествие случилось следующим образом: в полдень я вышел на стройку, куда явился и Абрам (он ездил в свою деревню для порядку, а воротился пьян); целый день он ходил за мной, желая побеседовать, ходил бодро, подперши руку в бок, но как ни старался, какие жесты ни делал другой рукой, как ни шевелил губами, ни одного звука не вылетало из уст. К вечеру бог его простил – заговорил он опять».

Тон письма благодушный – Александр Николаевич, видя, что флигель все-таки строится, как бы подтрунивает над незадачливым Абрамом. Но в то лето ему было в Щелькове вовсе не весело. Кругом свирепствовала холера – только в маленькой соседней деревеньке Агишино от нее умерло одиннадцать человек. Из близких друзей гостил летом в усадьбе один писатель Егор Дриянский, и то недолго. Мало было грибов, и плохо клевала рыба. А главное – стройка и проделки Абрама отвлекали от работы над пьесой «Не было ни гроша...». Очередной театральный сезон на носу, пьеса же далеко не окончена. «Из деревни я выеду к 1-му октября, – сообщал Островский 3 сентября актеру Федору Бурдину, – а в Петербург думаю приехать числу к 20-му октября же. Впрочем, только в том случае, если кончу новую комедию, над которой сейчас страдаю, пригоняя свою мысль в рамки действий и явлений. Только б справиться с этой каторжной работой, а писать уж мне недолго».

Работа, однако, затягивалась, и письмо от 14 сентября тому же Бурдину звучит отнюдь не столь оптимистически: «Я сижу за работой, погода у нас ужасная, – после жаркого и сухого лета с 1-го сентября начались дожди и холода постоянные, а теперь идет снег. Когда я выберусь из Щелькова, одному богу известно, в такую погоду и по нашей дороге нельзя пуститься с детьми». То, что одна из причин задержки с отъездом из Щелькова – достройка флигеля, драматург не упоминает – для Бурдина щельковские хозяйственные проблемы тогда были безразличны, но в письме от 29 сентября к Дубровскому, находившемуся в курсе строительных дел, он горько жалуется: «У меня дела по горло – и новая пьеса, и возня с пьяным Абрамом, который то уползает от стоп, то приползает к стопам, а дела не делает и только задерживает меня в Щелькове в эту раскаторжную погоду. По его милости я попаду в Москву не ранее 6 или 7 октября».

Вернулся Островский в Москву лишь 12 октября – так хотелось ему докончить строительство флигеля. И Абрам Иванов, сломленный упорством заказчика, преодолел на время свою пагубную слабость и, несмотря на непогоду, завершил и сдал постройку. Правда, на этом его отношения с владельцем щельковской усадьбы еще не прервались. У Александра Николаевича не достало денег, чтобы своевременно рассчитаться с подрядчиком, и тот, как доносил управляющий, долго ходил в усадьбу, слезно вымаливая уплаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.